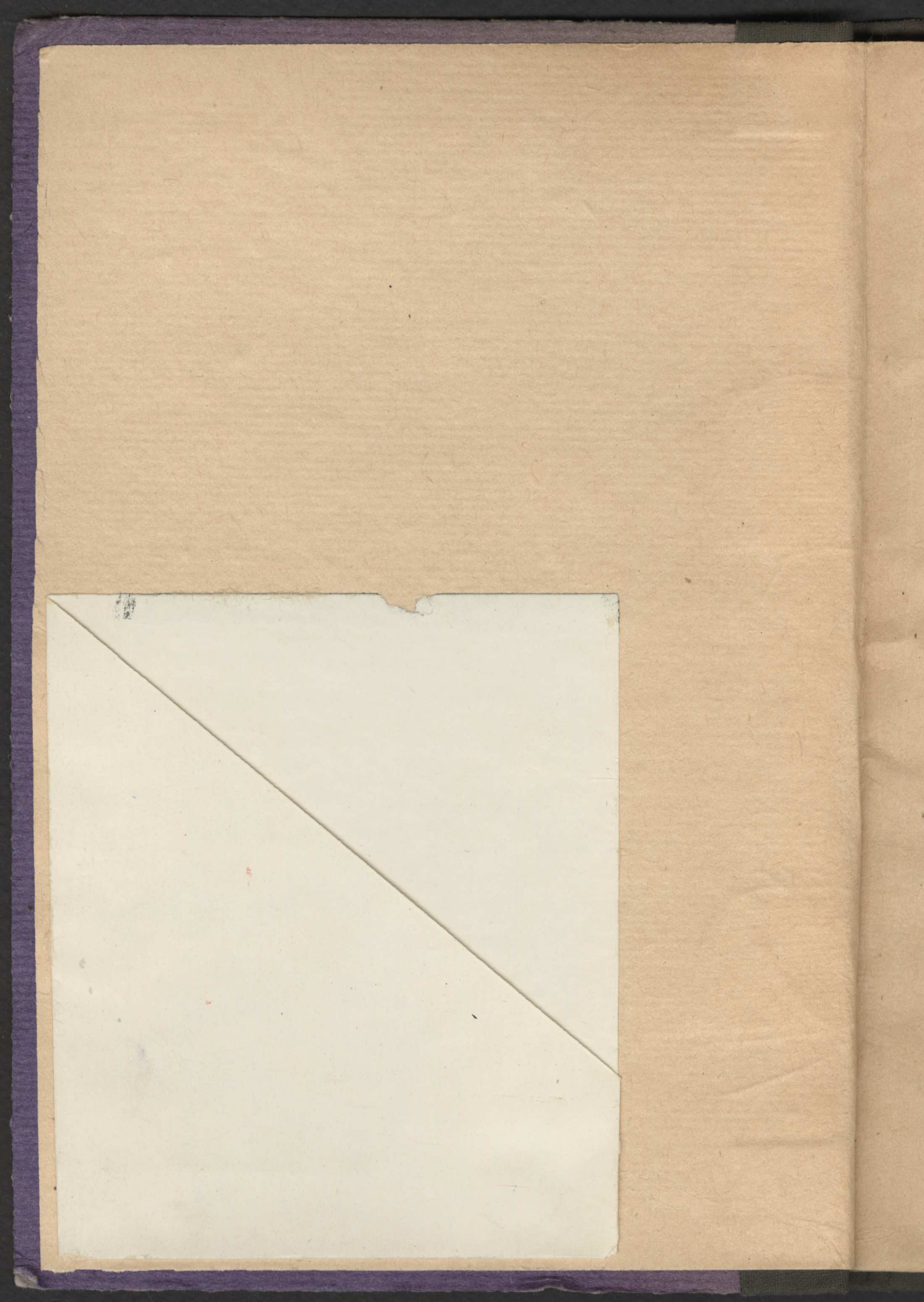
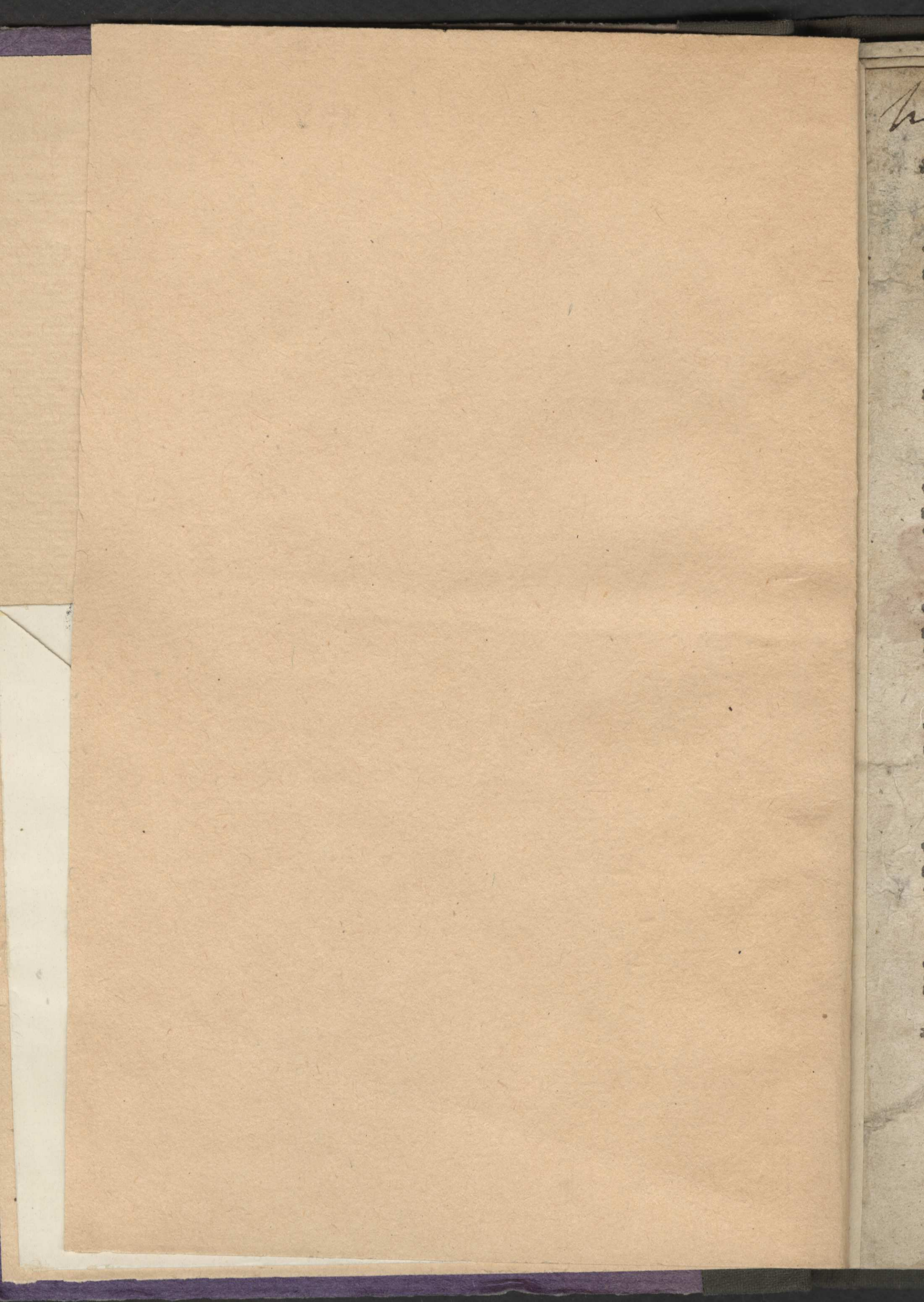
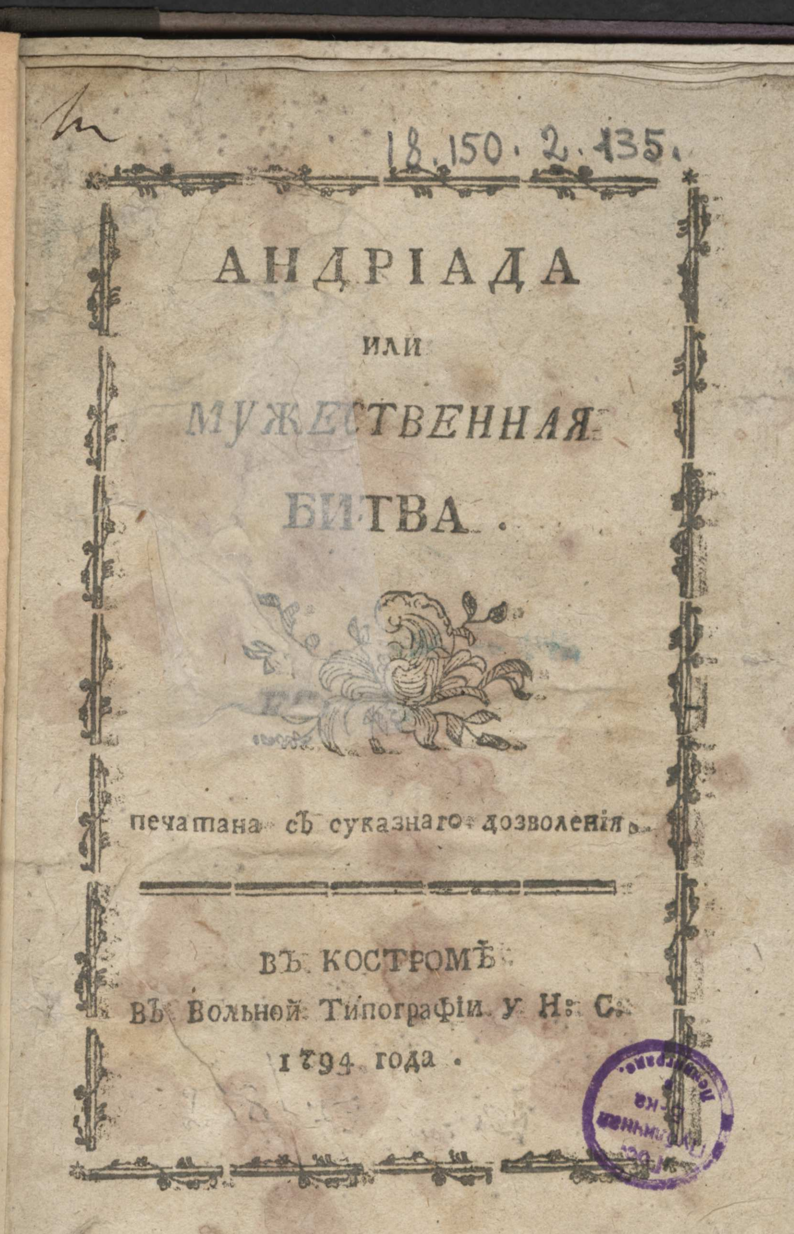

АНДРІАДА

или

МУЖЕСТВЕННАЯ БИТВА.

печатана съ указнаго дозволенія.

ВЪ КОСТРОМѢ
Въ Вольной Типографіи у Н. С.
1794 года.

АНДРІАДА

или

МУЖЕСТВЕННАЯ БИТВА.

ПѢСНЬ ПЕРЬВАЯ.

Безвѣстныхъ отрасли по древно-
[illegible] сти, мужей

Два сопротивника, тотѣ и другой Андрей,
Имѣя внутренню вражду между собою,
Разрушить прю свою предоставляли бою;
Блюли открыть свою удобну мѣсту
ратѣ,
Взаимно жаждущи, иль побѣдить иль
пастѣ,
Содѣлавши разрывѣ и дружбы и любови,
Не вѣ силахѣ охладить своей кипящей
крови:
Подобно какѣ Ахиллѣ и царь Агамемнонѣ,
Изѣ града понеслись на мѣсто битвы
вонѣ,
Одинѣ рожденїемѣ своимѣ превозносяся,
Другой достоинствомѣ его унизить
льстяся,
Вѣ избранно мѣсто ихѣ прибывши, думалѣ
всякѣ,
Что онѣ не намѣли ползущїй томно

рак;

Но витязь силою, герой руки повѣсу,
Подобенъ Гектору и равенъ Геркулесу.
Не въ полѣ, но въ чужомъ сошедшися дому,
Предѣловъ не имѣя геройству своему,
Злокозненну вражду и злобу объявили,
Другъ друга дивными руками поразили.
Но прежде — какъ одна владѣла ими злость,
Въ посредничьемъ дому являлся каждый гость,
За здравье общее, лiемы пили вина
Разгорячалась кровь, суровѣла судбина
Потомъ когда виномъ и пивомъ упились,
И ядъ и пагуба въ сердца ихъ пролились,
Разсвирѣпѣлъ одинъ, другой остервенился,
Одинъ рыгалъ хулы, другой напо сер

дился.
Тотъ поносителвны вмещалъ вречакъ
слова,
Другова мыслила о злости голова,
И какъ одна еще гремела пуншу чаша,
Разогревалася лишъ только гостямъ
каша,
Другая зделала уже приятнымъ смакъ,
По больше гордости, побольше гнева
знакъ,
Когдаже третія ихъ головы вскружила,
Во брашно сладкій вкусъ въ нихъ аппе-
титъ вложила,
Хоть соли не было, хоть мало очень
крупъ,
Герои приняли съ, какъ за изрядный супъ.
Начало кушанья, какъ муза возвеща-
етъ,
Едва перо мое отъ страху помещаетъ,

Но слабости уже довольно прощено,
Что безъ ножа перо не такъ очинено.
Я увсевышнихъ силъ того непохищаю,
Не рѣдко чѣмъ въ свѣчѣ свѣтилню воз
жигаю.
Я говорю что мнѣ дѣяніе твердитъ
Такъ чемъ же виноватъ, кто правду
говоритъ?
Въ геройскихъ жилахъ кровь казала ра-
тно пламя,
Багровость на челахъ являлася какъ знамя
Движенье крѣпкихъ мышцъ и напряженье
рукъ
Летящій на виски ознаменало стукъ.
Киченье одного и рыцарство другова,
Изображали видъ сраженія сурова:
Зла буйственность влѣкла своихъ къ
кулакамъ,
Но муза! изъясни подробно повѣсть

намъ.
Скажи, котораго героемъ почитати,
И коего изъ двухъ предъ другимъ вѣнчати?
Да правда пишетъ злымъ, защетну гордость местъ,
А доброму даетъ за подвигъ должну честь.
Не правда умолчитъ и лесть да удалится,
Достойно похвала, достойно пріобщится,
И се Разверзлась мнѣ завѣса тѣхъ чудесъ,
Какъ бился Радамантъ, какъ бился Геркулесъ.
Какъ младъ увѣсисту, подъемлетъ перьвый руку,
Размахъ повоздуху надѣлавъ много звуку.

И тяжкая рука упала на врага,
Закуска первая герою дорога,
Повергся на ушатъ плешивистымъ за-
тылкомъ
Но вдругъ поднялся онъ, и въ гнѣвѣ о-
ченъ пылкомъ,
Увидѣлъ что стоитъ разившій исклo-
нясь,
Увидѣлъ онъ на тотъ туманный въ
мозгѣ часъ,
Лежащій близъ его черпецъ вина древе-
сный
Схватилъ и далъ ударъ противнику
чудесный,
Отъ коего чело надулось пузыремъ,
Пощочину герой вомзду прiялъ лицемъ,
Но Голiафъ изверьгъ хулы еще языкомъ,
И распря кончилась однимъ лишь бран-
нымъ крикомъ;

Здѣсь выигрыша нѣтъ героямъ никому,
Ударъ нанесъ ушатъ, ковшъ здѣлалъ одному,
Но руки храбростью и души полны злостью,
И мышцы ихъ трясли, и каждой двигли костью,
Такъ можноль окончатъ симъ образомъ вражду,
Къ другому дѣйствію теперь перехожду.

Пѣснь вторая.

Надменный туловомъ и остовомъ высо-
кимъ,
Въ другорядь хочетъ брань начать со
одноокимъ,
Пылаетъ мщеніемъ и движетъ рамена,
Зоветъ противника, злы сѣетъ имена,
Поноситъ что ему орудіе служило
И говоритъ, что то противно рати бы-
ло;
Колико ни желалъ другой противостать,
Въ другое мѣсто брань переносила часть,
Но сердце обоихъ героевъ зломъ кипѣло;
И мѣсто ратное въ дорогѣ имъ поспѣло,
Коварный Голіафъ коней остановилъ,

Изшедъ къ сраженію готовъ вторему былъ,
Здѣсь мужествомъ влекомъ, другой простеръ десницу,
Такимъ же образомъ остановилъ десницу,
Изходитъ яко левъ противо стоитъ слону,
Воздвигша кулаки, кричитъ, сражайся — ну,
Вовсеоружій стоя противу друга,
И вина омрачась пареніемъ недуг,
Подвиглись зближались схватили попузу,
Но Голіафъ въ бою явился на низу,
Порабощенъ тройнымъ и правильнымъ ударомъ,
Примѣтилъ что тычки въ бока пріемлетъ даромъ,
Покрылъ лице свое широкими дланьми,

Взрѣвелъ и закричалъ посредникъ отними!
Зри участь храбреца, и подвиги въ герое,
Скончали рать, связавъ послѣдню руки трусе,
И тако положа пяти поприщей везли
Томили — И потомъ опять раздоръ возжгли.
Разгнѣваннѣйшій трусъ лежалъ въ отдохновенье,
А связанный герой и въ мукѣ и презрѣнье,
Одинъ збираяся въ бой ни чемъ не утомленъ,
Другой и злобою и скорбью удрученъ,
Одинъ готовился возобновивши силы,
Другой измученный, стѣснѣнный и унылый,
Одинъ враждебною подпорой укрѣпленъ.

Другой отъ зависти всей помощи ли-
шенъ,
Одинъ свободою въ дорогѣ веселился,
Другой вотще объ ней на небеса молил-
ся.
Какъ вдругъ услышалъ глас: вожатой,
слушай, стой!
Страдальцу настаетъ послѣднiй третiй
йбой.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

О Муза! здѣсь яви своею кистью славу,
Повѣдай варварство и трусовъ мысль лукаву;
Открой неправыхъ злость, и подлыхъ гнусну месть,
Изобрази лицо представа въ коемъ лесть,
Какъ въобразѣ любви къ злой распрѣ заманила,
И какъ ихъ лютостью взаимной упоила,
Какъ зломъ насытила и всѣяла раздоръ,
Въ сраженье третіемъ какой казала взоръ,
Какъ одному она всемѣрно угождала,

Другого вопреки и мучила и гнала?
О человечество! здесь слухъ твой оттерати,
Лесть крылася въ дому, открылась на пути.

О Муза! напиши мнѣ лести сей картину,
Изобрази какъ дщерь отъ тартара едину,
Представь все гнусности, ей свойственный составъ,
И покажи какой она имѣетъ нравъ?
„ Изчадіе клеветъ, зло ада порожденье,
„ Сосудъ нечестія и честности презрѣніе,
„ Вмѣстилище коварствъ источникъ горкихъ бѣдствъ,
„ Содѣтель зависти, начало всѣхъ зло-

дѣйствъ.

„ Неистовства ковчегъ, злыхъ помыс-
ловъ пучина,
„ Кичевья, зависти и суеты причина,
„ Развратныхъ праотецъ, а добрыхъ
вѣчный врагъ,
„ Вездѣ ствія ея есть беззаконій шагъ,
„ Позорно зрѣтище, пороковъ покрывало,
„ И словомъ для ея хулы на свѣтѣ мало,
„ Она начало золъ, а добрыхъ дѣлъ ко-
нецъ,
„ Атрей или Тіестъ сей варварски тво-
рецъ,
„ Она — изблеванно на свѣтъ отъ
ада жало,
„ Помыслила что распрь между Андри-
довъ мало,
„ Посѣяла злу боль на сердцѣ одного,
„ Что мало признаковъ въ врагѣ побѣдъ

его,
Что должно поновить сраженіе иначе,
„ Что вступится она, его въ семъ дѣ
лѣ паче,
„ Геройску честь ему мгновенно возвра-
титъ,
И въ почесть общую ихъ подвигъ пре-
кратитъ.
Послушался подлецъ, во ушахъ лесть
лѣта, а,
И сердцу и душѣ потомъ пріятна
стала,
„ Сей слабости едвалъ не всѣ поко-
рены,
„ Коль не богами мы на свѣтѣ сотво-
рены,
„ И для того винить не очень должно
строго,
„ Что ратоборствующъ противилс.

не много,
,, Хотя онъ чувствовалъ въ бокахъ не многу боль,
,, Но ломъ содѣлался отъ лести, много золъ,
,, Такъ можноль не забыть, достойной вою чести,
,, Когда великие мрачатся дѣйствиемъ лести.
,, Здѣсь Муза съ трепетомъ алкаетъ умолчать,
,, Но льзяли правда ей есть истинная мать,
Природа извергов давно уже имѣла,
Но с кончинѣ ихъ, какъ мать всегда болѣла,
Сносила варварства, терпѣла злобу ихъ,
Покрыла временемъ и имена иныхъ,
Но здѣсь едва могла на дѣйствия взи-

раши,
Какъ начали въ лицо и связанну плевати,
Но зрѣла для тово, что храбрый мой
герой
Не движимъ, не вздыхалъ, не плакалъ
какъ другой,
Но гнусностью презлыхъ людей увесе-
лялся,
И связанъ будучи, взаимно самъ плева-
лея,
Безъ всѣхъ оружіи онъ, безъ шлема и
меча,
Являлъ что кровь его геройска горяча,
Но варвары сего явленья не терпящи,
Содѣлали ему еще подкопъ превящшіи,
Умыслили его конечно поразить
И несказанная бѣда ему грозитъ.

Остановися здѣсь вѣщательница
правды,

Прибавь читателямъ внимать, злобы и жажды,
Терпѣнiемъ твоимъ терпѣнью ихъ учи,
Героя послѣ ты, всѣ подвиги промчи,
Скажи, какъ будучи онъ связанъ въ колесницѣ,
Четырехъ варваровъ въ одной имѣлъ зеницѣ,
Какъ помощь, спрятанно подъ нимъ же и ружье,
Отъ рукъ злодѣйственныхъ кончало бытiе,
Не чаялъ мой герой въ ружье своемъ спасенья,
Но чуствовалъ одни тирановъ огорченья,
Онъ злобы не имѣлъ, подобной какъ они,
Въ покоѣ весть хотѣлъ свои онъ мирны дни.

Слова его враговъ неистовыхъ прощали,
И раны данныя отъ нихъ благословая-
ли,
Онъ думалъ, что конецъ последовалъ всему
Но видно будуще несвѣдомо ему.

Изшедше два уже герою супостата
Изъ колесницы вонъ выпаскивали, брата.
Глаголали ему что онъ же виноватъ,
Что имъ содѣялся и здоръ и весь раз-
вратъ,
Но забывая всю зря добру внемъ отвагу,
Подносятъ теплую и пресмислу брагу
Но только онъ рукой и по пусту хва
тилъ;
Стаканъ въ глаза ему посредникъ ду-
нулъ втылъ,
Прислужникъ вражескій ударилъ сильно

брожу,
Злой витязь осинилъ лице, бока и кожу;
Четвертой бросился, и поглавѣ героя,
Разилъ, что тотъ упалъ безъ чувствія и безъ воя,
А пятой устрашась имъ видимой бѣды
Во бѣгство робкія настроивалъ слѣды,
Но видя, что топтать героя перестали,
И перси унего стѣсненны трепетали,
Потомъ движенiемъ являлось въ тѣлеси,
И злые на него, лишъ лаяли какъ пси,
И наконецъ опять ему вязали руки,
Бѣглецъ поворотясь оконченны зрѣлъ муки,
Одна лишь по лицу изъ ранъ струилась кровь,
Сокрыта на бокахъ прiятельска любовь,
Къ Герою связанну возсѣлъ опять въ во

зницу,
Въ надеждѣ отвести въ домашнюю болъ-
ницу,
Не симъ не кончилась страдальцова
бѣда,
Невозвратился вспять во градъ онъ безъ
вреда,
Но разрѣша ему, верстъ за семь тяжки
узы,
Оставили ему лишь куртку и рейтузы
Пустили пѣшаго съ разкрытой головой,
Сражатся съ вѣтрами и ночи съ темно-
той,
Въ добавокъ участи гонящей и всезло-
бной,
На встрѣчу вѣтеръ дулъ и вѣтеръ пре-
холодной,
Мрачила взоръ ему ночная темнота,
Съ побоевъ все болитъ и голова пуста

Не зналъ куда свой путь къ кому свой
вопль простерти
Не зналъ и объ одной онъ думать на-
чалъ смерти,
Какъ вдругъ явилось злыхъ благодѣянье
рукъ
Повергшее на путь воителю сертукъ,
Заблаго онъ прiялъ какъ даръ свою оде-
жду
На промыслъ возложа при крайности
надежду;
Мятущихся стихiй свирепости терпѣлъ
Безъ посоха въ ночи всю какъ бѣдной
зрѣлъ
Едва болѣзненны ему служили ноги
Но защитители его скрепляли боги;
Премѣны вѣтренны хотя и облежатъ,
Герой тѣмъ тѣшится, враги мои бѣ-
жатъ,

Въ безмолвной я гряду, безъ страха въ
домъ свои ночи,
И торжество мое --- что достаетъ
мнѣ мочи,
Пусть злые на меня содѣлали толпу,
Но я подобился незыблему столпу,
Среди кулашныхъ волнъ ни мало былъ
недвижимъ,
Подкоповъ отъ враговъ мы ни когда не-
видимъ
Скончаю злость враговъ, я тѣмъ, что
неищу,
Прощаю козьнямъ ихъ я добръ и злымъ
непщу.

КОНЕЦЪ.

Не зналъ куда свой путь къ кому свой
вопль простерти
Не зналъ и объ одной онъ думать на-
чалъ смерти,
Какъ вдругъ явилось злыхъ благодѣянье
рукъ
Повергшее на путь воителю сертукъ,
Заблаго онъ прiялъ какъ даръ свою оде-
жду
На промыслъ возложа при крайности
надежду;
Мятущихся стихiй свирепости терпѣлъ
Безъ посоха въ ночи всiо какъ бѣдной
зрѣлъ
Едва болѣзненны ему служили ноги
Позащипители ево скрепляли боги;
Премѣны вѣтренны хотя и облежатъ
Герой тѣмъ тѣшится, враги мои бѣ-
жатъ.

Въ безмолвной я гряду, безъ страха въ домъ свои ночи,
И торжество мое . . . что достаетъ мнѣ мочи
Пусть злые на меня содѣлали толпу,
Но я подобился незыблему столпу,
Среди кулашныхъ волнъ ни мало былъ недвижимъ,
Подкоповъ отъ враговъ мы ни когда не видимъ
Скончаю злость враговъ, я тѣмъ, что неищу,
Прощаю козвнямъ ихъ я добръ и злымъ непщу.

КОНЕЦЪ.

